

Ольга Макаровска

Познание и постижение русской православной иконы как религиозного и культурного феномена

Studia Rossica Posnaniensia 29, 169-175

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

ПОЗНАНИЕ И ПОСТИЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЫ КАК РЕЛИГИОЗНОГО И КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

LEARNING, UNDERSTANDING AND INTERIORIZING OF THE RUSSIAN ORTHODOX ICON AS A RELIGIOUS AND CULTURAL PHENOMENON

ОЛЬГА МАКАРОВСКА

ABSTRACT. The area of research interests of the author are the ways of developing the cultural competence of Russian language students trying to learn, understand and interiorize the Russian Orthodox icon as a religious and cultural phenomenon.

In her research the author shows the difference in understanding the icon by the Orthodox and Catholics, and also she presents the main didactic problems, solving of which enables to construct the linguodidactic scheme and detailed methodology of learning, understanding and interiorizing of cultural units using the example of an icon.

Olga Makarowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Русская православная икона, как известно, является неотъемлемой частью не только духовного наследия православного мира, но и достоянием общечеловеческой культуры вообще.

Икона обычно ассоциируется с предметом поклонения православных или католиков, с живописным изображением Бога, святых, библейских сюжетов. Однако стоящие за данной лексемой когнитивное содержание и определенное знание, охватывающее исторический, религиозный, художественный и др. аспекты, позволяют рассматривать икону как логоэпистему, т. е. „знание, хранящееся в единице языка”, о чем говорили В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова¹.

Дело в том, что в иконе закреплены результат и форма отражения фрагмента культурной и христианской реальности, несущей в себе как опыт предыдущих поколений, так и достижения новых. Феномен же иконы объясняется

¹ В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, *Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения*. В: *Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Доклады и сообщения российских ученых, Братислава 1999*, Москва 1999, с. 253.

слиянием в ней таких ее характеристик, как „красота” и „духовность”, увнешненленные в иконе и являющиеся, согласно определению И.К. Языковой², „краеугольным камнем” христианского этического и эстетического единства.

Логоэпистема „икона”, будучи одновременно материальным воплощением универсальных ценностей и формой их вербализации представляет возможность передачи культурного знания и христианского мировоззрения посредством языка неправославным филологам-русистам. Процесс же ее познания и постижения определенным лицом зависит от первоначального восприятия иконы как духоносного творения, специфика которого строго индивидуальна и во многом обусловлена принадлежностью индивидуума к той или иной религии.

Разница между переживаниями православного и католика, зрительно соприкасающихся с одним и тем же иконописным произведением, восходит своими корнями к изначальным, можно сказать – архетипным, различиям между Восточной и Западной ветвями христианства, которые, впрочем, точно определены и сформулированы в многочисленных трудах отцов Церкви и богословов. Наиболее же зримыми отличительными их чертами являются те, что находят свое прямое выражение в реалиях религиозной действительности и литургической жизни, создаваемых самим человеком, будь то сакральная архитектура, уклад монастырской жизни, церковная музыка, обряды, богослужения и т. д. В иконе сфокусированы все внешние видимые отличия Востока от Запада, поскольку икона – выразительница богословской идеи и она совершенно иначе воздействует на православного и католика.

Мы знаем, что икона первоначально задумывалась как вероучительный текст (библейский, молитвенный, житийный и т. п.), воплощая богословский замысел и помогая его понять посредством видимых, а потому доступных человеческому осознанию образов. Зримость и видимость через рукотворность обретает в иконе все сокровенное и труднопостижимое, поэтому иконописное произведение является не красочным приложением, а „умозрением в красках”³, как метко охарактеризовал его Е. Трубецкой, передающим понятийно-смысловые сущности христианства, по-своему понимаемые Православной и иначе – Католической церковью. Думаю, что познавая русскую православную икону, человек сознательно или подсознательно приближается к пониманию глубинного смысла православия, постигая выраженную определенными художественными средствами богословскую идею, формирующую библейское мировоззрение и отношение к таким основным его понятиям, как Мир Божий, Небо, Любовь к Прекрасному или, по определению В. Ключевского, „основное чувство”⁴.

² И.К. Языкова, *Богословие иконы*, Москва 1995, с. 14.

³ Там же, с. 16.

⁴ Цит. по: В.В. Розанов, „*Черты характера Древней Руси*”. „*Добрые люди Древней Руси*” В. Ключевского, Сергиев Посад 1892. В: его же, *Религия. Философия. Культура*, Москва 1992, с. 67.

Дух православия, зримо воплотившийся в иконе, характеризуется созерцательностью, потусторонностью, умиротворенностью, поскольку в нем „нет ни холода, ни страсти”, как пишет Н. Бердяев⁵. Ему чужды внешняя динамичность и энергичная устремленность, так характерные для католицизма. Поэтому гармоническое равновесие русской православной иконы и иконописное совершенство картины Божьего мира, преображенного и исцеленного, подготавливают верующего к обретению духовного неба, т. е. Нетленной Красоты, утраченной после изгнания из рая, как отмечала И.К. Языкова⁶. Именно созерцание и осмысление Словообраза дает возможность понять одну из тайн бытия и найти ответ на вечный вопрос, поэтически сформулированный Н. Заболоцким:

...Так что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота?
Или огонь, мерцающий в сосуде?

а тем самым отыскать путь к Первообразу, т. е. к Богу Невидимому, о чем упоминал Л. Успенский⁷.

Основная цель иконы заключается в том, чтобы через образное единство и цельность настроить человека на принятие универсальных духовных ценностей, а потому к постижению иконописного Слова надо быть в какой-то мере подготовленным, осознавая или чувствуя его вероучительную значимость, духоносность и художественную необычность. Из чего, естественно, возникает убеждение, что созерцание иконы для православного есть молитва, во время которой его душа принимает вибрации мира иного. Как утверждает И.К. Языкова⁸, акт духовного очищения посредством лицезрения может преобразить человеческое естество настолько, что позволяет говорить о чуде, нисходящем на человека через икону, оттого-то и называемую „чудотворной”.

Созерцание же русской православной иконы для католика является скорее моментом эстетического восприятия произведения сакральной живописи, приобщением к непривычной форме изображения, наполненной известным библейским содержанием; даже актом эстетического любования и восхищения. Однако все общение с иконой редуцируется к субъективному мнению типа „производит впечатление – не производит впечатления”, „нравится – не нравится”.

При сопоставлении, образно говоря, работы ума и сердца г л у б о к о верующего православного и католика во время зрительного контакта с иконописным творением выявляется контраст в восприятии ими воплощенного Словообраза, что упрощенно возможно выразить следующей формулой:

⁵ Цит. по: И.Я. Левяш, *Культурология*, Минск 1999, с. 375.

⁶ И.К. Языкова, указ. соч., с. 7.

⁷ L. Uspenski, *Teologia ikony*, Poznań 1993, с. 67.

⁸ И.К. Языкова, указ. соч., с. 16.

Для православного:		Для католика:	
Созерцаю (икону)	⇒	Созерцаю (икону)	⇒
Созидаю (молитву)	⇒	Познаю	⇒
Возношусь (духовно).	⇒	Постигаю.	⇒

Таким образом, эмоциональное и духовное приобщение к иконе, требующее внутренней настроенности на нее, доступно немногим. Несмотря на это, усвоение многозначного мира логозписем „икона” пусть лишь на интеллектуально-эстетическом уровне помогает иностранным филологам-русистам усвоить определенный фрагмент реальной действительности, подспудно обогащаящий каждого, кто с ней соприкоснется, и являющийся вкладом в общехристианское духовное наследие и мировую культуру.

Познание и постижение культурологических единиц (логозписем) способствует формированию у студентов-иностранцев культурологической компетенции как неотъемлемой части „общей коммуникативно-языковой компетенции”, о чем пишет В. Возьневич⁹, являющейся одновременно и целью языкового образования и, в свете культурологического подхода, условием акцептабельного общения, осуществляемого на изучаемом языке на культурном уровне. Поэтому содержание обучения иностранным языкам, в том числе и русскому, подлежит переосмыслению и модернизации. „Технологию” же научения представляется целесообразным обновлять и совершенствовать с опорой на существующий методический опыт, поскольку культурологическая методика, согласно О.Д. Митрофановой¹⁰, возникла и развивается в рамках коммуникативно-деятельностного подхода. Вследствие этого модификацию процесса постижения логозписем „икона” как единицы обучения предлагаем проводить с учетом уже выработанных и испытанных традиционных моделей. В процессе „построения” частной методики усвоения определенной культурологической единицы для конкретных языковых курсов и этапов обучения считаем необходимым обратить особое внимание на некоторые дидактические проблемы, разрешение которых поможет лучше справиться с реализацией данной задачи.

Вслед за В. Возьневичем¹¹, считаем, что путь познания и постижения учащимися-иностранцами любой культурологической единицы ведет от понимания ее смысла/смыслов через запоминание к воспроизведению. Поэтому собственно процесс познания и постижения учащимися логозписем, например, логозписем „икона”, целесообразно проводить согласно следующей процедуре:

⁹ В. Возьневич, *Изучение иностранного языка как процесс постижения этнической культуры*, „Studia Rossica Posnaniensia” 1998, vol. XXVIII, с. 160.

¹⁰ О.Д. Митрофанова, *Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века*. В: *Материалы IX Конгресса...*, указ. соч., с. 348.

¹¹ В. Возьневич, указ. соч., с. 166.

- формирование у учащихся умения воспроизводить понятийно-словные значения данной логоэпистемы;
- выражение определенной мысли, связанной со смыслами познанной логоэпистемы;
- участие в дискурсе на изучаемом языке.

К каждому звену этой процедуры следует определить конкретные языковые и речевые цели, коррелирующие с типом языкового курса, его профессиональной направленностью (филологическая или нет), этапом обучения, составом языковой группы и другими факторами, а также определить тематико-информационную и лексико-грамматическую основы.

Информативная сложность совокупности знаний, заключенных в логоэпистеме „икона”, требует вычленения лишь наиболее значимых и необходимых, чему способствует, как отмечает В. Возьневич¹² использование критериев отбора. Приведем их в тезисной форме:

- выборочность лингвокультурологического материала во избежание запоминания „чистой информации”, т. е. энциклопедических знаний (в свете чего малооправданным представляется, к примеру, подробное ознакомление учащихся со всеми школами и направлениями иконописного дела, запоминание профессиональной терминологии и т. п.);
- учет культурных реальностей, характеризующихся общностью или сходством (в связи с чем является целесообразным, например, сравнение иконы *Богородицы Казанской* с почитаемой польскими католиками иконой *Богородицы Ченстоховской*);
- критерий своевременности, иначе – обновление представляемых культурных реальностей в контексте актуальных событий (к примеру, открытие экспозиции старообрядческих икон в замке Гурков в Шамотулах дает повод для обновления тематики путем введения понятия „старообрядческая икона”);
- аксиологическая интерпретация культурных реальностей, т. е. оценка и отношение к ним (в данном случае возможны две крайности, дающие одинаковый [отрицательный] результат, одна из которых заключается в безоговорочном восхищении иконописным творением, другая – в ироническом подходе к нему как произведению богмаза-примитивиста).

От себя добавим, что обращение внимания на увлекательную сторону содержания при отборе культурных знаний, касающихся конкретной логоэпистемы, является как нельзя кстати.

Очередным важным вопросом, связанным с представлением учебного материала, являются учебные тексты и задания, т. е. подобранные пред-, при- и послетекстовые упражнения с учетом лексико-грамматического аспекта, монологические и диалогические формы работы, призванные подготовить

¹² Там же, с. 164–165.

учащихся к дискурсивной деятельности. Оставляя за преподавателем приоритет выбора способов реализации намеченной задачи в рамках коммуникативного подхода, хотелось бы отметить, что в предтекстовую работу желательно включить: краткое сообщение на тему *христианства, православия, сакрального искусства, иконы* для того, чтобы учащиеся могли передать свое понимание известных понятий по-русски; краткий экскурс о принятии христианства на Руси; сжатый рассказ о возникновении иконы и ее распространении в христианской Руси; информацию о значении иконы и специфике ее восприятия православными, а также знакомство студентов с религиозной лексикой, необходимой для описания иконы и разговора о ней, т. к. икона не является картиной/портретом, а **изображением божественного**, что, например, можно проиллюстрировать синонимическими парами:

Лик	– лицо	Взирать	– смотреть
Власы	– волосы	Перст	– палец
Облик	– внешний вид	Десница	– правая рука
Чело	– лоб	Одеяние/одежды	– одежда
Очи	– глаза	Мафорий	– женское покрывало
Ланита	– щека	Созерцать	– рассматривать
Взор	– взгляд	Писать икону	– рисовать картину и др.

В предтекстовой работе можно коротко остановиться на стилевых особенностях иконы (их изменение в XVII в. и возвращение византийских канонов в XIX в., существующих по сей день), художественной символике языка иконы („обратная” перспектива, символика цветовой гаммы, дихотомия „свет-тьма”, организация пространства и др.), типах представления Христа (*Спас Нерукотворный, Пантократор, Спас в силах* и др.) и Богородицы (*Оранта, Одигитрия, Богородица-умиление*), творчестве наиболее ярких иконописцев (Ф. Грек, А. Рублев, Дионисий и др. по выбору), если вышеперечисленный материал отсутствует в учебных текстах. Таким образом, основная цель **предтекстовых** заданий – подготовить учащихся к восприятию учебных текстов путем ознакомления их с новой лексикой (архаичные, церковнославянские слова, некоторые характерные обороты) и введения необходимого страноведческого материала.

Притекстовые задания направлены на соответственное восприятие текстов, поэтому ими могут быть ответы на вопросы к тексту, нахождение конкретных текстовых фрагментов, объяснение некоторых выражений и идиом (*ругаются, хоть святых выноси, глаза, как на иконе, читать икону* и т. п.), отработка глагольных конструкций (*выносить икону, одарить иконой, пустить икону по воде* и т. д.) и другие упражнения.

Послетекстовые упражнения служат формированию у учащихся умений и навыков „построения” монологической и диалогической речи на основании полученных знаний, чему способствует использование на уроках различных монологических, диалогических и полилогических (обсуждение, дис-

куссия и пр.) форм работы с предварительным выбором ситуативных и статусно-ролевых установок.

Не следует забывать о том, что тесная связь иконописи с другими видами сакрального искусства (церковная музыка, храмовая архитектура) дают возможность использовать их в качестве дополнительных средств воздействия на эмоциональное и эстетическое восприятие русской православной иконы студентами-иностранцами. Созерцание образов (репродукций), описание конкретной иконы под звуки церковных песнопений, посещение православных церквей призваны помочь неправославным учащимся лучше понять существенный фрагмент духовной и культурной жизни россиян.

Хотелось бы отметить также некоторые факторы, негативно влияющие как на процесс познания и постижения конкретной логоэпистемы, так и на формирование коммуникативно-языковой компетенции в целом. К ним относятся:

- примат культурологической и коммуникативной компетенций при второплановости или, что еще хуже, забвении языковой;
- сокращение заключенной в логоэпистеме совокупности знаний до минимума и рассмотрение ее в узком аспекте, если это не продиктовано особенностями языкового курса;
- понимание единицы представления учебного материала, т. е. текста, как носителя исчерпывающей информации, не требующего дополнительных разъяснений;
- неразграничение культурологического материала для обязательного и факультативного усвоения, а также перенасыщение его беллетризованной информацией.

Серьезной дидактической проблемой является отсутствие в настоящее время разработки форм контролирования достижения культурологической компетенции. Проверка степени усвоения единиц культурного значения (логоэпистем) в культурологическом разрезе посредством традиционных письменных форм (тестирование, сочинение-рассуждение и др.) скорее неприемлема или довольно сомнительна. В связи с чем наиболее рациональной формой контроля достижения культурологической компетенции представляется устная, т. е. участие в дискурсе на иностранном языке с умением высказаться „от себя”.

В заключение отметим, что, несмотря на целый комплекс проблем различного плана, связанный с познанием и постижением русской православной иконы как религиозного и культурного феномена, сам процесс ее познания приближает иностранных учащихся к общению на межкультурном уровне и взаимопониманию, что особенно актуально в новых условиях духовного возрождения России.